

Гордей ЛАН-КИТЧЕР

СУХАЯ ВЕТОЧКА ПЛАТАНА

Любимым цветком Карташова, вне зависимости от времени года, был одуванчик. Не периода его самодурного размножения, когда пушистые белые головки, раскачиваясь порывами ветра, отпускают в самостоятельную взрослую жизнь крохотные семена, каждое на маленьком и беззащитном парашютике. Он любил весеннюю жизнь этого цветка. Тугая и удлинённая яркая зелень бутона раскрывается неожиданно яркой желтизной, и она осыпает маленькими солнышками зелёные поляны, крутые и пологие спуски к морю, забирается в унылую протяжённость трамвайных рельсов. Ранние цветки в окружении остроколючих узорчатых листьев тянутся к теплу весеннему солнцу и сверху кажутся ему веснушками на лице южного города.

Уже почти три часа Карташов старательно выдергивал злую пополь, заглушающую маленькие аккуратные кустики садового растения с нежным и трогательным названием — "маргаритка". Выдергивал и размышлял. Мысли текли плавно и соответствовали размерности его движений.

С латинского звучное женское имя Маргарита переводится как "жемчужина", вспоминал он, а русский язык, добавив свой уменьшительно-ласкательный суффикс "к", превратил это слово в название невысокого стебелька, увенчанного плоской головкой маленькой густой ромашки с желтой серединкой. Маргаритки ему попадались трех цветов: белые, розовые и бордовые. Каждый стебель стоял, облаченный в пышную ярко-зеленую юбочку. И вот на этом парниковом подиуме густо желтели головки любимых им одуванчиков. Здесь это травянистое солнышко — сорняк, забирающий жизненную энергию у элитарной маргаритки.

Ноги затекли неимоверно. Пришло желание броситься вглубь парника, расположенного на полметра ниже основной поверхности ботанического сада, и тут же исчезло в силу своей невероятности. Карташов осторожно выпрямился, постоял и, оглядевшись по сторонам, отвесил несколько низких поклонов в сторону моря. На равном удалении от линии горизонта и металли-

ческой оградой сада просматривались очертания большого сухогруза.

Обед начинался через двадцать минут, а пока можно отдохнуть и пройтись по дорожкам, петляющим между причудливо расположенными деревьями. Они стоят парами или по три, из разных широт и разной породы. Но вот прижились, возмужали, а люди, их посадившие и ухаживавшие за когда-то молодыми тоненькими стволами, давно ушли в иное измерение.

Осторожно переступая через буйство нежных комочков, он вышел на твердый грунт, снял перчатки и медленно зашагал под теплым майским солнцем Одессы в прохладу юной зелени миниатюрного смешанного леса. Неспешным шагом обходя вторую, меньшую, часть ботанического сада, часто наклонялся, подбирая упавшие сухие ветки, вырывал уж очень разросшийся сорняк. Здесь он был "у себя", и от него даже зависела некоторая доля прибыли от продажи заботливо выращенных им цветов этого большого зеленого хозяйства.

Хозяйством руководила женщина. И все растения в нем — от могучих деревьев до изысканных тропических пришестьцев — обрабатывались нежными пальчиками одесских женщин-ботаников. А ведь лучшими садоводами издавна считались мужчины. Как и пекарями, и парикмахерами, и ткачами. Не перечать профессий, перешедших в руки женщины! Мужчины придумывали, создавали и начинали производить... Потом от Рождества Христова минуло много веков, пришел век девятнадцатый, когда из латыни вытащили зашифрованное существование "эмансипация", которое и не сопротивлялось. А зачем? Каждому слову приятно, когда в нем нуждаются и склоняют на разные лады. Досклонялись... В следующем столетии женщины взяли в руки садовые и парикмахерские ножицы, встали у ткацких станков. Освоились быстро и начали все усовершенствовать, так как эмансипация была следствием прогресса. Когда он приходит, космическое тело покидает божественная гармония мира, ибо эти понятия несовместимы, как несовместимы существительные "человек" и "природа". Пришел человек — ушла

природа. Вместо нее теперь царит окружающая среда. Она медленно, но верно убивает человека — пятую расу обитающих на Земле гуманоидов.

Дальше размышлять некогда, нужно было планировать следующую часть своего времени в ботаническом саду. Карташов подошел к любимому дереву — огромному платану. Ствол в обхвате был таких невероятных размеров, что походил скорее на дуб, тем более что отсутствовала привычная глазу одесита кора с белесыми проплешинами. Такие "бесстыдники" поглощают выхлопные газы на Ришельевской и Пушкинской, величественной аллеи они разрослись в середине Адмиральского проспекта, забрели в конце 60-х и на Черемушки, где каждый платан, широко раскинув ветви, переплелся с соседом, и сверху все они напоминают длинную строчку из равномерных стежков, которые умудрилась проложить в спальном районе рукодельница-природа. А у этого гиганта в холодное время года порода можно было определить, только задрвав голову и разглядев чинно висящие шишечки.

Карташов перешагнул невысокое ограждение и, подойдя вплотную, прислонился лбом к стволу. В детстве, проведенном на Ближних Мельницах, он слышал легенду об одесском волшебном платане, возвращающем молодость и силы. Может, этот исполин и есть то самое "молодильное дерево"? Хотелось так думать и стоять долго-долго... Но тут где-то сверху раздался тихий щелчок и что-то аккуратно опустилось ему на голову. Карташов резко отпрыгнул от ствола — рядом с ним на взрыхленную землю упала сухая веточка. Только на самом кончике теплится жизнь: три плотных коричневых комочка — еще не распутившиеся почки. "Он мне ответил, — тут же подумалось Карташову, — но что бы это значило?" Ветку поднял и дома поставил в вазочку с водой.

Весь следующий день Карташов провел за письменным столом, честно планируя завтра опять отправиться в ботанический сад и помочь

милой Верочке в борьбе с высыхающей в тепличных горшках землей — поить гордые орхидеи. Почти двадцать тысяч видов этих в основном тропических растений легко размножаются вегетативно, то есть делением корневищ и клубней, а также черенками и отпрысками, когда-то воодушевленно сообщила ему Верочка. Последний термин рассмешил филолога Карташова, у которого это название ассоциировалось с человеком по отношению к его предкам. Словоохотливая Верочка тут же взяла специальную питательную среду из водорослей филофоры — агар-агар, добавив нужное количество сахара, витаминов и особенно томатного сока... Здесь Карташов разоблачил такой смех, а потом он так долго кашлял, что Верочка притащила в теплицу термос с чаем и остальные их обеденные свертки. И они вдвоем среди прекрасных цветов в неказистых горшках очень вкусно пообедали и остались довольными общением. Особенно Верочка. А ведь раньше она возражала против такой помощи пожилого филолога, уставшего от чужих рукописей и погибающего от гиподинамии за письменным столом, теперь же стала даже подкрашивать помадой маленькие потрескавшиеся губы.

На этом месте воспоминаний Карташов захотелось есть, и он потащился на кухню, в глубине души надеясь, что все-таки отыщется не замеченный утром хотя бы кусочек какой-нибудь еды. Но в холодильнике было пусто, а в жестяных банках для круп вяло перекатывались не выпавшие в свое время крупинки гречки и пшена. За окном было очень темно и очень тихо. Часы показывали половину двенадцатого. Он лег голодным, зато лежащая на столе рукопись была тщательно вычитана до конца, на страницах густо пестрели корректорские знаки, а редакторские правки были столь обширны, что уже засыпающий Карташов, прежде чем ныр-

нуть в туманные видения, успел подумать о непременно последующем через месяц очередном звонке известного в Одессе ученого, который будет рассыпаться в благодарностях и опять уверять Карташова, что без него он "просто пропал бы".

Воскресным утром Карташов решил поехать за провизией на Привоз. Он был начинающим пенсионером, а потому в трамвае десятого маршрута, хотя уже мог ехать, не платя за проезд, задумавшись, машинально достал портмоне и купил кусочек проштампованной бумаги. Когда спохватился, было поздно — кондуктор ушла в другой конец вагона, но даже найдись она рядом, ему было бы неловко просить о возвращении пятидесяти копеек. Взглянув на приобретенное подтверждение права на проезд, он увидел шесть цифр и вспомнил, как в школьные годы верил примете, по которой равенство суммы первых трех цифр сумме второй тройки означало, что билет счастливый и можно загадать желание — сбудется. Такой билет попадался очень редко, но даже загадав при везении, он обычно забывал проследить результат. Если же между двумя суммами была разница в единицу, билет считался "любимым", и должно было повезти в любви. Что означали остальные цифры, Карташов уже не помнил. Сейчас разница заключалась в числе семь, и он сунул билет в карман.

В середине ночи над городом тихо и медленно проплыла небольшая дождевая туча. Она высыпала миллиарды капелек, вобравших в себя по пути ее следования бог весть какие испарения. Под утро слякотью и лужами покрылся асфальт Пересыпи и старого города. Вернулась уступившая было теплу густая и зыбкая прохлада, и снова одесситы покорно облачились в кожаные куртки, свитера и плащи...

На Привозе Карташов не был лет пятнадцать. "И ка-ко-во же был-ло его удив-ле-ние..." — мысленно по слогу ткнул он про себя, пробираясь по слякоти и обходя лужи, пока не догадался зайти под огромный навес, где было грязно, но сухо. Наконец он остановился, продолжая удивленно оглядываться по сторонам, среди прилавков, заваленных непривычной для его памяти продукцией. Даже при отсутствии солнечных лучей, которые на Привозе уже давно не принимали

Виталий АМУРСКИЙ

Из цикла «Детская комната»

ОБ АВТОРЕ

Виталий Амурский родился в Москве в 1944 году. Получил высшее филологическое образование, окончив МОПИ, а позднее продолжил учебу в Сорбонне. Во Франции живет с 1973 года. Журналист русской редакции Международного французского радио, автор нескольких книг и многочисленных публикаций в периодической печати. Лауреат московского авангардного литературного издания "Футурум арт" за 2005 год в номинации "Поэзия". Член редакционного совета одесского альманаха "Дерибасовская — Ришельевская".

Алфавит

А — как эхо в лесу,
Ф — рябина в саду,
Г — разбитый фонарь,
Ш — забор, Я — холодный январь,
М — морская волна,
В — былая война, мотылек,

кренделёк,
О — колючка, в колодец упавший
цветок...

То он грустен, то весел,
то просто молчит —
Вот бывает какой иногда алфавит.

Природа вещей

Памяти Спартака Калачева

Открытая книга
Подчас
Превращается в птицу

Карандаш,
Воткнувший в землю,
Вырастает в дерево

Цветные карандаши
Рождают
Радугу

Глядя на птиц,
Дерева, радугу
Думаю о тебе

Про козу

Вдали темный лес,
Там сосна до небес.
В небесах звезда,
А под ней изба.

Там коза живет,
Пирог печет.
Пирог печет —
Волка в гости ждет.

И не поздно ждет, и не рано,
Да не слышит, как из чулана,
Где грибы да мед,
Ей сверчок поет:

"Ах, коза, коза,
Ты протри глаза!
Ты глаза протри —
Лучше дверь запи".

Рыбалка

Встретил однажды червяк рыбака
Или — не помню — рыбака червяка.

Было о чем им вдвоем говорить,
Вместе отправились рыбу удить.

Вместе поплыли по тихой реке —
В лодке рыбак и червяк — на крючке.

Чудеса

Михаилу Яснову

Уйдя однажды в лес, опята,
В места, где водятся ребята,
Набрали полное лукошко!
А в это время мышка кошку,
Как щука рыбака, ловила...

И получилась неплоха
В тот день Демьянова уха!

Сивка-Бурка

То овраг, то лес, то горка,
То равнинный путь пылит.
То беспечный смех, то горький,
То лишь цоканье копыт.

То дождя сплошное сито,
То в снегу светлы поля,
Сивка-Бурка, Бурка-Сивка,
Укатала ты меня!

Карусель

Музыкой и светом
Звонкая, как медь,

Карусель под снегом,
Снега круговерть.

Крутятся лошади
Сквозь метельный круг,
Шапочки и шапки,
Смех, мельканье рук.

Снег и лиц мельканье,
Темь и снова свет,
Праздника дыханье,
Суета сует!

У колодца

(скороговорка)

Смотри на дно —
В тени добро.
Тяни ведро,
Дени Дидро!

Про "если"

Саше и Кирише, внукам

Будь однажды я маской,
То б любил карнавал.
А какой-нибудь сказкой —
То себя б рассказал.

Если конскою гривой
Я б когда-нибудь был,
Проносился б сквозь ливни,
Ветер, степи, ковыль.

Стать медалью героя
Мне бы выпал удел,

К генералу, не скрою,
Я б попасть не хотел.

Но лишённая злата,
Что была на войне,
Гимнастерка солдата
Мне б сгодилась вполне.

Кем я не был, кем буду,
Если буду потом,
Повзрослев, не забудьте —
Нарисуйте в альбом.

Еще про репку

Виталию Стацкиному

Посадил дедка
Репку,
А где посадил —
Забыл.

У бабки спросил,
И она забыла.
Пошла к внучке,
Внучка — к Жучке,
Жучка — к кошке,
Кошка — в окошко
В дом, за печку,
Узнать у мышки.
А мышка испугалась —
Убежала!

Кручинятся дедка,
Бабка да внучка,
Жучка да кошка —
Где же репка?

А репка на грядке,
А мышка на репке
Смеются!

Вопросы

О чем с утра поет петух,
Гудит пчела,

участия в обыденном процессе купли-продажи, чем разительно и отличался внешний вид нового обустроенного рынка от прежнего, прошлого столетия, в глазах рябило от разноцветия верхней и нижней одежды, постельного белья, обуви любого фасона и вида, дезодорантов, стиральных порошков и прочих предметов для дома. Ни редиски, ни лука, ни другой зелени не просматривалось. Решив не задавать скучающим продавцам вопросов, он отправился дальше и почти сразу вышел к аккуратным пирамидам из цитрусовых, по соседству с которыми выселись плоские ящики с аппетитно смотрящимся уроком, финиками и еще какими-то загадочными, но вкусными на вид фруктами, выращенными на чужой земле.

К состоянию удивления присоединились ощущения разочарования и ностальгии. Первое очень быстро покинуло его — все-таки он смотрел новости, а потому был не так уж и далек от современной жизни, как считали его друзья. Разочарование тоже ушло, когда Карташов наконец-то увидел возделенную зелень салатных пучков, петрушки, укропа и двухцветные стрелы молодого лука.

Сделав необходимые покупки, он продолжал двигаться к Преображенской, чтобы потом прогуляться по парку Ильича, где одессит знает, как можно выйти к Чумке через узкий проход в стене из желтого ракушняка, добытого два века назад под улицами старой Одессы. Закончилась весенняя зелень, и пошли рыбные ряды с обитателями воды в чешуе, выпотрошенными и без голов, а также высушенными и расквашивающимися на длинных натянутых проволоках. Поглядев на них, а заодно и на продавцов, Карташов захотел немедленно убраться подальше. Он ускорил шаг — и опять попал в царство носильных вещей, обуви и бытовых товаров.

И только сейчас он понял охватившее его здесь чувство ностальгии, то есть тоски по тому, чего у человека нет в определенный момент его жизни. Ему была неприятна не только увиденная картина — засилье наступающих с двух сторон одежды и обуви, — но и перемена звучания этого когда-то сильного городского организма, точно и правильно функционировавшего, а потому тоже несшего свою лепту в известность и славу Одессы. Нынешний Привоз издавал другие звуки, он почти молчал: не кричал и не ругался, не смеялся и не обменивался новостями. Казалось, он только тихо дышит,

и каждый вдох дается с трудом: не было крестьян, кто своим трудом выращивал зелень, фрукты и овощи, а потому продавал весело и "с походом" — разговорное выражение, совершенно не знакомое молодым одесситам и означающее продажу с небольшим излишком веса — от души.

Ни в мясной корпус, ни в молочный он уже не пошел: побоялся опять увидеть вместо оставшейся в памяти картины прилавки с шубами и шапками, сапогами и босоножками.

Нахмурившись, он быстро шел по парку к проему в стене и плакал внутри себя. Карташов понял, что известный всему миру одесский продуктовый рынок идет к своему концу...

Утром понедельника позвонил директор издательства и предложил новую рукопись. Противного словосочетания "на позавчера" Карташов не услышал, что уже было приятно, — рукопись не срочная, будет время ездить в ботанический сад на трудотерапию. Автор охарактеризован как грамотный человек, но самым главным оставался вопрос о языке. Украинский в Одессе знали немногие, впрочем, как во всей Украине, — шел период его становления. Разговаривали весело и быстро, но на суржике. Все естество Карташова горестно возмущалось, когда с экрана телевизора произносили: "перетворюються в", "мэни це нравяться" и тому подобное. Раздражали говоруньи, которые "попэрджали" преступление в криминальных хрониках или поломку стиральной машины в надоевшей рекламе: подходил сотрудник милиции к преступлению и предупреждал его одуматься и не высовываться, а мастер вяло переругивался с поломкой стирального агрегата, в то время как от них требовалось "запобигаты" и первому, и второй.

Карташов спросил о языке и расстроился. Украинский. Значит, придется не читать, а писать, то есть переводить. Иногда длинные словосочетания. Менять окончания во всем предложении. После такой "читки" рукопись густо краснела — он работал только красной пастой.

Прежде чем идти в издательство, Карташов решил съездить к морю. Еще все радовало: купальный сезон только начинался, приезжих не было, загорающие попадались редко — холодное утро требовало теплой одежды, вдоль берега по "дорогам здоровья" почти не ездили машины, ярко светило, но не пекло солнце,

продолжали желтеть в сочной зелени одуванчики, и одурманяюще пахло само море.

Он приехал маршрутным такси на 16-ю станцию Большого Фонтана и спустился к морю по дороге, о которой знает не каждый, — она начинается сразу напротив трамвайной колеи, — внизу повернул налево и быстрым шагом направился в сторону Аркадии, решив подняться в районе 8-й станции.

Карташов шел и вдыхал весенние запахи попеременно с необъяснимым и не выписанным на книжных страницах запахом Черного моря. Слева зеленели ярусы крутых склонов, где начинали серебриться дикие оливы, справа громко шелестела вода, пузырясь, пенясь, выкатывая на поверхность и тут же забирая обратно мелкие камушки. Она дразнила покорный серый песок, целовала, укладываясь на него, и тут же всем телом откидывалась назад, а он оставался идеально ровный и влажный и ждал новой ласки, нового прикосновения...

Он дошел до места, где песка не было видно вовсе. Вода уже на полметра верно покрывала его, здесь она преданно любила и злобно упиралась в фундамент невысокого паркета. А в годы его детства до морской кромки было метров десять...

В конце самого длинного мола он увидел одиноко стоящую мужскую фигуру с удочкой. Пройдя еще немного вперед, Карташов сошел на песок и, увязая в смеси влажных песчинок, мелкой гальки, хрупких и длинных ракушек мидий, густо вкрапленных в эту смесь кусочков стекла, тщательно обточенных соленой водой, ступил на мол.

Медленно двигаясь вперед, он прислушивался к звукам, которые издавали идущие чередой невысокие волны, пробираясь к берегу и встречая на своем пути преграду, им не понятную. Выдающаяся вперед грубая твердь разрежала не ожидающие подвоха волны, и те обиженно хлюпали от неожиданности по обе стороны, натываясь на совсем уж непредвиденно выпирающие углы этой тверди и обволакивая их, а заходя в укромные части, так смачно плескались о следующий выступ мола, что Карташов, ошарашенный где-то на его середине, замер, выбрал один выступ, устоявшись туда и слушал, слушал, слушал...

Он не заметил, как в десяти метрах от конца мола появилась очень большая волна и стремительно понеслась к преграде, разрезающей бегущих впереди сестер, будучи

уверенной, что уж она-то сомнет эту серую массу, утащит за собой и выбросит наглухо на берег.

Карташов громко вскрикнул от неожиданности, когда сотни соленых и сверкающих на солнце капелек со всего размаха врезались в него, высоко взметнувшись ввысь от удара о выступ. Светло-серая куртка моментально намочила и потемнела.

— Ну ты даешь! — восхищенно сказал Карташов морю и не обиделся. Сам виноват. Не зевай и не мечтай, когда весной стоишь одетым далеко от берега, на узкой полосе, имитирующей земную твердь.

Но тут он вспомнил о мужчине с удочкой в конце мола и повернулся лицом к горизонту. Тот сидел на корточках и шарил руками вокруг себя. Карташов быстро прошел вперед.

— Осторожно! Здесь леска! — закричал человек, не оборачиваясь. По голосу Карташов понял, что впереди была женщина. Он замедлил шаг и стал внимательно смотреть под ноги. Но женщина уже поднялась.

— Не ищите. Вот она!

— А что на конце под водой?

— Крючки какие-то. Я не очень разбираюсь. Внук попросил. Он скоро придет.

Женщина стояла, повернувшись к нему лицом, и расстегивала длинную и широкую брезентовую куртку. Резко откинув назад голову, она сбросила капюшон, и Карташов увидел очень густые черные волосы с седыми прядями, закрученные на затылке в большой узел. На висках и над лбом волосы вились крупными колечками и были очень мокрыми. Мокрым было все лицо, ворот темно-зеленого шерстяного свитера и кисти рук. Потертым джинсам воды досталось меньше. Казалось, что они вообще сухие. Брезент куртки выдержал натиск хлынувших на него капель, и по нему судить было не о чем.

— Вон Генка бежит! — обрадованно объявила женщина.

Карташов повернулся к берегу. Прямо на них по молу неслись высокий парень в таком же брезенте.

— Бабуль! Ты жив?

— Жив! Позавтракал?

— Да. Спасибо! — и он приложил губами к ее мокрой щеке.

Карташов почему-то разозлился. А Генка повернулся к нему и вежливо произнес "доброе утро". Карташов так же вежливо ответил.

Приличия были соблюдены, можно уходить. Но он продолжал стоять.

— Я иду завтракать, — сказала женщина. — Если вы проголодались, идемте ко мне, я вас покормлю.

— А я вообще не ел, — неожиданно для себя соврал Карташов и вспомнил оставленную "на потом" невымытую сковороду.

Сегодня на завтрак у него был жареный в сухарях сыр, большой парниковый помидор и кофе с двумя кусочками шоколадного торта. Ну как назло!

Они шли по молу и разговаривали, прошли по песку, асфальту, поднялись по лестнице, потом еще по одной, в одном месте, согнувшись и цепляясь руками за траву и редкие маленькие кустики, взбирались по склону. Куда? Зачем? Он забыл, потому что они разговаривали. Ему было все равно. Они говорили по очереди и одновременно. Потом опять был асфальт, красивый забор, большой двухэтажный дом из красного кирпича со слабым намеком на чешское барокко, просторная светлая кухня, где он что-то беспрерывно ел и пил. Зашел Генка, ушел, появился откуда-то опять, посмотрел на них, ничего не сказал, хмыкнул и исчез где-то в стенах этого теплого и уютного дома.

Потом они сидели у камина, за окнами было темно, в дальнем углу ярко светил старинный торшер с полочкой. Еще в память намертво врезался номер ее телефона.

Он не помнил, как они расстались, но знал точно, что домой его на машине привез Генка, угрюмо молчавший всю дорогу. Карташов очень устал и был этому только рад. У парадной Генка вежливо сказал "до свидания" и уехал.

Дома Карташов вымыл руки и лицо, почистил зубы. И только выйдя из ванной, подумал, что не узнал ее имени, а она — его. Им было некогда, они разговаривали.

Он сел за стол и посмотрел на часы. Пять минут двенадцатого. "Поздно звонить", — успел подумать, и телефон тут же зазвонил. Определил высветил ее номер. Он схватил трубку.

— Вы дома? Я же просила мне позвонить, сообщить, как добрались. Генки еще нет, я волнуюсь.

— Господи! — сказал он. — Господи! Как вас зовут?

— Светлана, — ответила она. По ее тону он понял, что на другом конце улыбаются.

— Веточка... — произнес он нежно.

В расписной вазочке рядом с телефоном стояла сухая веточка платана. Почеч на ней уже не было — три малюсеньких зеленых листика ярко блестя под светом настольной лампы, но Карташов их не видел. Он сидел с закрытыми глазами и слушал, слушал, слушал...

И отчего костер потух —
Тот, что горел вчера?

Когда в реке блестит вода
И месяца рожок,
Сгоняет облака куда
Небесный пастушок?

И лучше ль дождю шуметь
Иль тихо моросить,
Чем нас печалит листьев медь —
Кого спросить?

Больные вещи

Не звонит у меня телефон.
Может быть, простудился он?
Мой будильник стучит:
"тик-так..." —
Как всегда, но... чуть-чуть не так.

Взял я книгу и сел у окна —
Не читается что-то она.
Начал брату писать письмо —
Заскрипело странно перо.

Гвоздь забить захотел в потолок,
Да не слушается молоток.
Не пойму, отчего вокруг
Изменились все вещи вдруг?!

Я остался совсем без дел,
Молча в зеркало поглядел,
А оттуда взглянул на меня
Кто-то грустный — совсем не я!

Значит, зеркало это, друг,
Тож тронул недуг..
Я врача попросил бы прийти,
Только где мне такого найти?

Чтоб читалась книжка легко
И без скрипа скользило перо,

Чтоб из зеркала на меня
Глянул прежний — веселый — я.

Книге, зеркалу и часам
Чем помочь? Я не знаю сам.
Кто рассеет вопросов дым:
Как помочь мне вещам больным?

Слова

Памяти Генриха Сапгира

Слова высокие
похожи на жирафов,
А низкие подобны черепахам.

А те, что очень высоки, —
парят, как птицы,
От них порою голова кружится.

А очень низкие
ушли в земную твердь,
Нам незачем их слушать и смотреть.

В ресторане "Поплавок"

В ресторане "Поплавок"
Целый день переполох.

Червяков — да поскорей! —
Просят двое пескарей.

А плотве еще быстрее
Подают пескарей!

Ну, а щуки по привычке
Заказали по плотвичке...

Только, выпив пива, раки
Говорят, что это враки.

VII Международный поэтический турнир в Дюссельдорфе

Клуб "Neue Zeiten" и литературное объединение "Шаг навстречу" приглашают всех желающих участвовать в VII Международном поэтическом турнире в Дюссельдорфе под девизом:

"Нет конца "веселым" переменам..."
Николай Гумилев

Николай Гумилев ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ

Песнь первая

Свежим ветром снова сердце пьяно,
Тайный голос шепчет: "Всё покины!"
Перед дверью над кустом бурьяна
Небосклон безоблачен и синь,
В каждой луже запах океана,
В каждом камне веянье пустынь.

Мы с тобою, Муза, быстроноги,
Любим ивы вдоль степной дороги,
Мерный скрип колес и вдалеке
Белый парус на большой реке.
Этот мир, такой святой и строгий,
Что нет места в нем пустой тоске.

Ах, в одном божественном движенье,
Косным, нам дано преображеньем,
В нем и мы — не только отраженьем,
В нем живым становится, кто жил...
О пути земные, сетью жил,
Розой вен вас бог расположил!
И струится, и поет по венам
Радостно бушующая кровь.
Нет конца обетам и изменам,
Нет конца веселым переменам,
И отсталых подгоняют вновь
Плетью боли Голод и Любовь...

В конце этого года и в начале следующего пройдут региональные турниры, которые выявят призеров с правом участия в финале турнира в мае 2007 года в Дюссельдорфе.

Список руководителей региональных центров:

1. Северный Рейн — Вестфалия, Дюссельдорф
Раф Айзенштадт — 0211 352240

2. Нижняя Саксония, Ганновер
Григорий Галич — 0511 2123504

3. Гамбург
Леонид Михелев — 040 29891822

4. Берлин
Станислав Львович — 030 6914255

5. Бранденбург, Потсдам
Наталья Горбатюк — 0331 710277

6. Баден-Вюртенберг, Штутгарт
Виктор Старшенко — 0711 8493727

7. Бавария, Мюнхен
Марк Хабинский — 089 7439714

8. Бавария, Нюрнберг
Татьяна Свирская — 0911 5192793

9. Саксония, Дрезден
Андрей Фурсов — 0351 2104885

10. США, Нью-Йорк
Ирина Поволоцкая — 001 7183731730

11. США, Лос-Анджелес
Маина Ерусалимчик — 001 3236540880

12. Израиль, Нешер
Иосиф Вул — 00972 48216297

13. Израиль, Ашдод
Зоя Воеводина — 00972 88675434

14. Австралия, Сидней
Борис Мельников — 0061 293981250

15. Украина, Киев
Алла Потапова — 0038 0445408762

16. Россия, Москва
Любовь Саломон — 007 4954938285

17. Украина, Одесса
Всемирный клуб одесситов — 0038 0487240135

Сайт турнира в интернете: www.turnir-poesie.de

Дорогие друзья, участвуйте в нашем турнире!

Рафаэль АЙЗЕНШТАДТ,
Президент Международного поэтического турнира